

ПРОЛОГ

Я сижу, прикованный наручниками к столу, и думаю: *«Когда бы не запрет / На разглашение тайн моей темницы, / Поведал бы такое, что любой / Пустяк терзал бы душу»*¹. Охранник стоит у двери, наблюдает за мной, будто ждет, чтобы что-то произошло.

Входит Джозеф Колборн. Он уже начал сесть, ему почти пятьдесят. Раз в несколько недель я с удивлением вижу, насколько он постарел, — а он понемногу стареет, раз в несколько недель, уже десять лет. Он садится напротив меня, скрещивает руки на груди и произносит:

— Оливер.

— Джо.

— Мне сказали, слушания по условно-досрочному прошли в твою пользу. Поздравляю.

¹ У. Шекспир. Гамлет. Акт I, сцена 5. — Здесь и далее цитаты из пьес Шекспира даны в переводе Е. Ракитиной, за исключением особо оговоренных случаев.

- Я бы сказал спасибо, если бы думал, что вы всерьез.
- Ты знаешь, я считаю, что тебе здесь не место.
- Это не значит, что вы считаете меня невиновным.
- Нет.

Он вздыхает, смотрит на часы — все те же, он их носит с тех пор, как мы познакомились, — как будто я ему надоедаю.

– Так почему пришли? — спрашиваю я. — Все с той же подоплекой, дважды в месяц?

Его брови образуют толстую черную линию.

- «Подоплека» — это прям охренеть в твоем духе.
- Ну, можно изъять мальчика из театра, все такое.

Он качает головой со смесью веселья и раздражения.

- И? — говорю я.
- И — что?

– *«Виселица — дело благое. Но чем именно? Это благое дело для тех, чье дело зло»*¹, — отзываюсь я, решив заслужить его раздражение. — Зачем вы здесь? Пора бы уже понять, что я вам ничего не расскажу.

– Вообще-то, — говорит он, — думаю, на этот раз мне удастся тебя переубедить.

Я выпрямляюсь.

- Как?

– Я уйду со службы. Продался, нашел работу в частной охране. Детям надо образование оплачивать.

Пару секунд я просто таращусь на него. Мне всегда казалось, что Колборна придется усыпить, как злого старого пса, прежде чем он уйдет с поста шефа.

¹ У. Шекспир. Гамлет. Акт V, сцена 1.

- И как это должно меня переубедить? — спрашиваю я.
- Все, что ты скажешь, будет не для протокола.
- Тогда зачем суетиться?

Он снова вздыхает, и морщины на его лице становятся глубже.

— Оливер, меня не волнует наказание преступника, уже нет. Кто-то отсидел, а при нашей работе такое удовлетворение не часто получаешь. Но я не хочу уйти в отставку и еще десять лет гадать, что именно произошло десять лет назад.

Сперва я молчу. Эта мысль мне нравится, но доверия не вызывает. Я осматриваю мрачные шлакоблоки, крошечные черные видеокамеры, смотрящие вниз из каждого угла, охранника с неправильным прикусом, выставившего вперед нижнюю челюсть. Закрываю глаза, делаю глубокий вдох и представляю себе весеннюю свежесть Иллинойса, представляю, каково будет шагнуть наружу после того, как треть жизни давился затхлым тюремным воздухом.

Когда я, выдохнув, открываю глаза, Колборн пристально на меня смотрит.

— Не знаю, — говорю я. — Я выйду отсюда, так или иначе. Не хочу рисковать, не хочу сюда вернуться. По-моему, надежнее не будить спящих собак.

Колборн спокойно барабанит пальцами по столу.

— А скажи-ка мне, — говорит он, — бывает, что ты лежишь в камере, смотришь в потолок, пытаешься понять, как ты здесь оказался, и не можешь уснуть, потому что никак не прогонишь воспоминания о том дне?

— Каждую ночь, — без иронии отвечаю я. — Но вот в чем разница, Джо. Для вас это был всего один день, а дальше все пошло как обычно. А для нас — один день и все следующие.

Я подаюсь вперед, опершись на локти, мое лицо оказывается всего в нескольких дюймах от его лица, так что он слышит каждое слово, когда я понижаю голос:

— Вас, наверное, так и жрет изнутри то, что вы не знаете. Не знаете кто, не знаете как, не знаете почему. Но вы и его не знали.

У него странное лицо, как будто его тошнит, словно я вдруг сделался несказанно мерзким и на меня страшно смотреть.

— Ты все это время хранил тайну, — говорит он. — Кто другой с ума бы сошел. Зачем?

— Хотелось.

— И по-прежнему хочется.

У меня за ребрами веско стучит сердце. Тайны тяжелы, как свинец.

Я откидываюсь назад. Охранник смотрит безразлично, как будто мы — чужие люди, говорящие на чужом языке, о чем-то далеком и незначительном. Я думаю об остальных. В кои-то веки о нас. Мы натворили много зла, но оно было необходимо — или так казалось. Годы спустя, оглядываясь назад, я уже не так уверен, что без него нельзя было обойтись, и теперь я думаю вот о чем: смог бы я объяснить все Колборну, все мелкие извивы и, повороты и финальный эксод? Я разглядываю его открытое, ничего не вы-

ражающее лицо, серые глаза — от них теперь расходятся гусиные лапки, но смотрят они так же ясно и твердо.

— Хорошо, — говорю я. — Я расскажу. Но вы должны кое-что понять.

Колборн не шевелится.

— Я слушаю.

— Во-первых, я заговорю, только когда выйду отсюда, не раньше. Во-вторых, все это не вернется ни ко мне, ни к кому-либо еще — никакой двойной ответственности. И, наконец, это не извинение.

Я жду от него какого-то отклика, кивка или слов, но он только моргает, молчаливый и неколебимый, как сфинкс.

— Ну что, Джо? — спрашиваю я. — Вы это выдержите?

Он холодно, коротко усмехается:

— Да, думаю, выдержу.

СЦЕНА 1

Время: сентябрь 1997 года, мой четвертый, выпускной курс в Классической консерватории Деллакера. Место: Бродуотер, Иллинойс, в целом незначительный городок. Осень пока стоит теплая.

Входят исполнители. Тогда нас было семеро, семь юных талантов, которых ждало необъятное бесценное будущее, хотя видели мы не дальше книжек у себя под носом. Нас всегда окружали книги, слова, поэзия, все яростные страсти мира, переплетенные в кожу и коленкор. (В том, что случилось, я отчасти виню именно это.) Библиотека Замка была просторным восьмиугольным залом, заставленным вычурной старинной мебелью; вдоль его стен шли книжные полки, убаюкивающее тепло поддерживал внушительный камин, горевший почти постоянно, независимо от температуры снаружи. Часы на каминной полке пробили двенадцать, и мы один за другим заворочались, как семь оживающих статуй.

— *Глухая полночь*¹, — произнес Ричард. Он сидел в самом большом кресле, как на троне, вытянув длинные ноги и поставив пятки на каминную решетку. Три года в роли королей и завоевателей научили его сидеть так на любом стуле, на сцене или вне ее. — А к восьми часам нам должно стать бессмертными.

Он со стуком захлопнул книгу.

Мерedit, свернувшаяся по-кошачьи в углу дивана (в другом, как пес, развалился я), потерявила прядь длинных темно-рыжих волос и спросила:

— Ты куда?

Ричард: «*Устав от дел, спешу скорей в кровать...*»²

Филиппа: Не начинай.

Ричард: Рано вставать, все дела.

Александр: Можно подумать, он волнуется.

Рен, сидевшая по-турецки на подушке у огня и не замечавшая, что вокруг нее идет перепалка, сказала:

— Все выбрали фрагменты? Я никак не решу.

Я: Может, Изабеллу? Изабелла у тебя безупречная.

Мерedit: «Мера» — это комедия, бестолочь. Мы прослушиваемся для «Цезаря».

— Не понимаю, зачем нам вообще прослушивания. — Александр, скрючившийся над столом в темной глубине зала, потянулся к бутылке скотча, которая стояла у его локтя. Налил себе, выпил залпом и сморщился, глядя на нас. — Я бы раскидал всю эту хрень хоть сейчас.

¹ У. Шекспир. Мера за меру. Акт IV, сцена 2.

² У. Шекспир. Сонет 27. Перевод М. А. Финкеля.

— Как? — спросил я. — Я сроду не знаю, кем окажусь.
— Это потому что тебе дают роль в последнюю очередь, — сказал Ричард. — Что останется, то и дадут.

Меридит цокнула языком:

— Кто мы сегодня? Ричард или Дик собачий?
— Плюнь на него, Оливер, — сказал Джеймс.

Он сидел один, в самом дальнем углу, не желая отрываться от своего блокнота. На нашем курсе он всегда занимался серьезнее всех, что (возможно) объясняло, почему он был среди нас лучшим актером и (без сомнения) почему его никто за это не презирал.

— Вот. — Александр вытащил из кармана несколько свернутых трубочкой десятков и пересчитал их, разложив на столе. — Здесь пятьдесят долларов.

— За что? — спросила Меридит. — Хочешь приватный танец?

— А ты что, тренируешься для будущей карьеры?

— В жопу меня поцелуй.

— Попроси как следует.

— За что пятьдесят долларов? — спросил я, чтобы их перебить.

Из нас семерых Меридит и Александр ругались больше всех, и пересквернословить другого было для них обоих предметом какой-то извращенной гордости. Дай им волю, они всю ночь не остановятся.

Александр постучал по десяткам длинным пальцем.

— Спорю на пятьдесят долларов, что прямо сейчас перечислю распределение и не ошибусь.

Мы впятером с любопытством переглянулись; Рен по-прежнему хмурилась, глядя в камин.

— Ладно, давайте послушаем, — с усталым вздохом произнесла Филиппа, будто ее одолело любопытство.

Александр откинул с лица непослушные черные кудри и начал:

— Ну, Цезарем явно будет Ричард.

— Потому что мы все втайне хотим его убить? — спросил Джеймс.

Ричард поднял бровь.

— Et tu, Bruté?

— Sic semper tyrannis, — ответил Джеймс, чиркнув ручкой по горлу, как кинжалом. *Так всегда тиранам.*

Александр указал на одного, потом на другого.

— Именно, — сказал он. — Джеймс будет Брутом, потому что он всегда играет хороших, а я — Кассием, потому что всегда играю плохих. Ричард и Рен не могут быть мужем и женой, это был бы изврат, так что она будет Порцией, Мередит — Кальпурнией, а тебе, Пип, опять в мужика.

Филиппе, которой роль подобрать было труднее, чем Мередит (*femme fatale*) или Рен (*ingénue*), вечно приходилось переодеваться мужчиной, когда у нас кончались годные женские роли — что в шекспировском театре бывает часто.

— Убейте меня, — сказала она.

— погоди, — вмешался я, наглядно подтверждая гипотезу Ричарда о том, что я в процессе распределения ролей вечно остаюсь не востребованным, — а я тогда кто?

Александр осмотрел меня, прищурившись, провел языком по зубам.

— Скорее всего, Октавий, — постановил он. — Антонием тебя не назначат — не обижайся, но ты просто недостаточно заметен. Им будет этот, невыносимый, с третьего курса, как его?

Филиппа: Ричард Второй?

Ричард: Обхохочешься. Нет, Колин Хайленд.

— Потрясающе. — Я уставился в текст «Перикла», который просматривал, наверное, раз в сотый. Таланта у меня было вдвое меньше, чем у любого из них, и я, казалось, был обречен вечно играть второстепенную роль в чьей-то чужой истории. Сколько раз я спрашивал себя, искусство ли подражает жизни, или все совсем наоборот.

Александр: Пятьдесят баксов на то, что распределение будет именно таким. Забьемся?

Мерedit: Нет.

Александр: Почему?

Филиппа: Потому что так все и будет.

Ричард со смешком поднялся из кресла.

— Будем надеяться.

Он направился к двери, по дороге потянулся и ущипнул Джеймса за щеку:

— *Покойной ночи, милый принц...*

Джеймс отбил руку Ричарда блокнотом и снова нарочито за ним спрятался. Мерedit, эхом отозвавшись на смех Ричарда, произнесла:

— *Ты, когда в сердцах, горячее всех в Италии!*¹

— *Чума на оба ваши дома,* — пробормотал Джеймс.

¹ У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Акт III, сцена 1.

Мерedit потянулась — с тихим многообещающим стоном — и оторвалась от дивана.

— В постельку? — спросил Ричард.

— Да. После того, что сказал Александр, всякая работа лишена смысла.

Книги она так и оставила разбросанными на низком столике у камина, а рядом с ними пустой винный бокал с полумесяцем помады у ободка.

— Доброй ночи, — сказала она, ни к кому не обращаясь. — Бог в помощь.

Они вдвоем растворились в коридоре.

Я потеряла глаза, которые уже горели от многочасового чтения. Рен швырнула книгу за спину, через голову, и я вздрогнул, когда та шлепнулась на диван рядом со мной. Рен: К черту всё.

Александр: Вот это боевой дух.

Рен: Просто прочту Изабеллу.

Филиппа: Просто иди спать.

Рен медленно встала, промаргивая отпечаток огня на сетчатке.

— Наверное, всю ночь буду лежать и повторять монолог, — сказала она.

— Пойдем покурим? — Александр (опять) допил виски и скручивал на столе косяк. — Может помочь расслабиться.

— Нет, спасибо, — ответила Рен, выходя в коридор. — Спокойной ночи.

— Как хочешь. — Александр зачесал волосы назад, воткнул косяк в угол рта. — Оливер?

— Если я помогу тебе его скурить, завтра проснусь без голоса.

— Пип?

Филиппа подняла очки на темя и мягко откашлялась, пробуя горло.

— Господи, как ты дурно на меня влияешь, — сказала она. — Ладно, давай.

Он кивнул, уже на полпути из зала, руки в карманы. Я посмотрел им вслед, немного завидуя, потом снова привалился к подлокотнику дивана. Я пытался сосредоточиться на тексте, в котором было такое количество пометок, что он почти уже не читался.

Перикл: *Прощай, Антиохия! Я узнал,
Что люди, не стыдящиеся дел
Черней, чем ночь, из кожи лезут вон,
Чтоб доступ к ним был свету прегражден.
Виною порождается вина.
Как дым с огнем, кровь с похотью дружна*¹.

Я вполголоса пробормотал последние две строки. Я знал их наизусть, знал уже не первый месяц, но меня все равно грыз страх забыть слово или фразу во время прослушивания. Я взглянул на Джеймса, сидевшего в другом конце зала, и спросил:

— Ты никогда не думал, знал ли Шекспир эти монологи так же хорошо, как мы, хоть наполовину?

Он отвлекся от того, что читал, поднял глаза и ответил:

— Все время думаю.

Я изобразил улыбку: меня хоть как-то поддерживали.

— Что ж, я сдаюсь. Так ничего и не сделал.

Джеймс посмотрел на часы.

¹ У. Шекспир. Перикл. Акт I, сцена 1. Перевод И. Мандельштама.